

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Обзорная статья

УДК 94(470)“1934/1939”

doi:10.18503/2658-3186-2025-9-2-20-35

«Ближний круг И. В. Сталина»: принципы кадрового отбора в 1934–1939 гг. Часть 2. Социально-психологический портрет советской политической элиты (продолжение)

Надежда Николаевна Макарова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Магнитогорск. Россия, Магнитогорск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Аннотация. Изучение политических элит традиционно остается популярной темой. Особый интерес вызывают политические элиты и лидеры эпохи сталинизма. В научной литературе утвердился термин «ближний круг» И. В. Сталина, которым называют верхушку советской политической элиты, привилегированной группы, занимавшей руководящие позиции во властных структурах, непосредственно участвовавших в принятии решений, связанных с использованием власти. Все представители советской политической элиты 1934–1939 гг. являлись сталинскими выдвиженцами, которые попали в высшие и средние эшелоны партийно-государственного аппарата. По своему конкретному составу сталинское окружение – это величина переменная, подвижное сообщество сталинских соратников, в разной степени преданных вождю, что, в конечном счете, и определяло их иерархическое положение. Именно об «ближнем круге» пойдет речь в данной статье. Чтобы подойти к пониманию проблемы необходимо проанализировать состав политической элиты по биографическим параметрам, рассмотреть партийно-государственную деятельность и сферу компетенции каждого представителя «ближнего круга», изучить семейное положение и качество быта советской высшей номенклатуры, исследовать взаимоотношения между представителями политбюро, показать причастность к репрессиям и выявить стратегии выживания представителей сталинского окружения. В целом, иерархическое положение высшей номенклатуры определялось преданностью И. В. Сталину и теми критериями, которые он предъявлял к своим соратникам: давние дружеские взаимоотношения, профессиональная компетентность, волевые качества, физическая выносливость и трудоспособность, причастность к репрессиям, наличие в биографии «темных пятен», исполнительность. Не все в окружении вождя смогли пройти подобный отбор.

Ключевые слова: история сталинизма, политбюро, политическая элита, кадровая политика, «ближний круг» И. В. Сталина

Для цитирования: Макарова Н. Н. «Ближний круг И. В. Сталина»: принципы кадрового отбора в 1934–1939 гг. Часть 2. Социально-психологический портрет советской политической элиты // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 20–35. doi:10.18503/2658-3186-2025-9-2-20-35.

II. HISTORY

RUSSIAN HISTORY

Review article

“J. V. Stalin inner circle”: principles of personnel selection in 1934–1939.

Part 2. Social and Psychological Portrait of Soviet Political Elite

Continuation. Beginning in 4/2024

Nadezda N. Makarova

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; makarovanadia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Abstract. The study of political elites has traditionally remained a popular topic. The political elites and leaders

© Макарова Н. Н., 2025.

of the Stalinist era are of particular interest. In the scientific literature, the term “inner circle” of J. V. Stalin was established, which represented the top of the Soviet political elite, a privileged group that occupied leadership positions in power structures directly involved in decision-making related to the use of the power. All representatives of the Soviet political elite in 1934–1939 were Stalin’s nominees who found their way into the highest and middle echelons of the party and state apparatus. In terms of its specific composition, Stalin’s entourage is a variable quantity, that is, a mobile community of Stalin’s comrades-in-arms, who are loyal to the leader to varying degrees, which ultimately determined their hierarchical position. It is the “inner circle” that is to be discussed in the article. To get closer to understanding the problem, it is necessary to analyze the composition of the political elite according to biographical parameters, consider the party and state activities and the sphere of competence of each representative of the “inner circle”, study the marital status and quality of life of the Soviet higher nomenklatura, examine the relationship between representatives of the Politburo, show involvement in repression and identify survival strategies of representatives of Stalin’s circle. In general, the hierarchical position of the highest nomenklatura was determined by devotion to J. V. Stalin and the criteria that he presented to his comrades: long-standing friendly relationships, professional competence, strong-willed qualities, physical endurance and ability to work, involvement in repressions, the presence of “dark spots” in the biography, a sense of duty. Not everyone from all people around the leader was able to pass through such a selection. *To be continued*

Keywords: history of Stalinism, Politburo, political elite, personnel policy, “J. V. Stalin inner circle”

For citation: Makarova N. N. J. V. Stalin’s Inner circle”: Principles of Personnel Selection in 1934–1939. Part 2. Social and Psychological Portrait of Soviet Political Elite (Continuation. Beginning in 4/2024), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 20–35. (In Russ.) doi:10.18503/2658-3186-2025-9-2-20-35.

Продолжение. Начало в № 4/ 2024 г.

1 Социализация представителей «ближнего круга»

В Советском Союзе назначение на ключевые посты осуществлялось через организационно-распределительный отдел аппарата ЦК ВКП(б). Этот способ замещения руководителей и получил название «номенклатурного способа рекрутирования элиты», а новый слой управленцев стал называться номенклатурой. Номенклатура представляла собой относительно замкнутое образование, поскольку вела отличный от остальной массы населения образ жизни. Внутри «нового класса» существовала партийная дисциплина и организационное единство. Номенклатура демонстрировала преданность вождю и зависела от него. Особый образ жизни номенклатуры был связан с ее функциями и с теми привилегиями, которые она постепенно присваивала себе.

Советская элита изменилась к рубежу 1920–1930 гг.: если при В. И. Ленине первое поколение высших советских чиновников преимущественно представляло собой партийную интеллигенцию, прошедшую революционные кружки, подполье, политическую эмиграцию, которая была одержима идеей мировой революции; то при И. В. Сталине (второе поколение) это были дисциплинированные исполнители воли вождя. Именно такие люди входили в так называемый «ближний круг»: А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, В. М. Молотов, А. И. Микоян, а после XVIII съезда А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия; остальные члены политбюро, формально входившие в «ближний круг», к 1939 г. либо умерли (В. В. Куйбышев), либо были репрессированы (Н. И. Ежов, С. В. Косиор, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь, Р. И. Эйхе), либо попали в опалу (Г. И. Петровский), либо покончили жизнь самоубийством (Г. К. Орджоникидзе).

Содержание социализации личности определяется всей совокупностью социальной среды и тем, что она проявляется в определенных шаблонах поведения, выполнении определенных норм и ролей. Поэтому для понимания состава «ближнего круга» следует обратить внимание на его социальные качества.

1.1 Этническая принадлежность

В «ближнем круге» Сталина были представители разных национальностей: русские – Андреев, Ворошилов, Ежов, Жданов, Калинин, Хрущев, Шверник, Киров, Молотов, Постышев; латыши – Рудзутак, Эйхе; грузины – Берия, Орджоникидзе; украинцы – Петровский и Чубарь; армянин – Микоян, поляк – Косиор и еврей – Каганович. Представители политбюро в основном не были землячествами. Исключение составляют следующие соратники Сталина: Ворошилов (село Верхнее) и Чубарь (село Федоровка) родились в Екатеринославской губернии; Ежов и Шверник – в Петербурге; Киров (г. Уржум) и Молотов (слобода Кукарка) – Вятская губерния; Эйхе (усадьба Авотын Долбленского уезда) и Рудзутак (хутор Цауне) – в Курляндской губернии; на Украине родились

Жданов (г. Мариуполь), Каганович (деревня Кабаны в 30 километрах от Чернобыля) и Петровский (село Печенеги Харьковского уезда). Культура каждого региона была индивидуальна. Она, несомненно, оказывала влияние на жителей, формируя ряд особенностей, присущих представителям того или иного региона, однако этот факт также не влиял на принадлежность «ближнему кругу». В столице родились Шверник и Ежов, а малой родиной для остальных представителей политбюро стали деревни, села и уездные города Российской Империи. Уровень жизни российской деревни конца XIX в. был крайне низким, а уездные города и слободы являли собой пример российской глубинки, в которой насчитывалось три – четыре тысячи жителей, несколько церквей, училищ, только начала появляться телеграфная связь, а качественные дороги отсутствовали.

1.2 Социальное происхождение

По социальному происхождению сталинских соратников можно разделить на несколько групп. Из крестьянской среды вышли Андреев, Берия, Ворошилов, Каганович, Рудзутак, Калинин, Хрущев, Чубарь, Эйхе; потомственными рабочими являлись Косиор, Шверник, Микоян; согласно петровской табели о рангах, действовавшей до 1917 г., выходцами из дворянской среды считались Молотов, Жданов, Орджоникидзе, но дворянского титула ни один из них не имел. В семье чиновника родился С. М. Киров; В. В. Куйбышев – сын офицера, военного преподавателя; отец Н. И. Ежова работал дворником у домовладельца; Г. И. Петровский и П. П. Постышев происходили из семей ремесленников. Отец Сталина был сапожником, но работал некоторое время не один, а с десятью помощниками. Кустарная мастерская Виссариона Джугашвили осуществляла ремонт старой обуви.

1.3 Образование

Большевики верили в возможность создания «нового человека» и поэтому уделяли большое внимание образованию. Никто из вождей, кроме Молотова, не получил последовательного образования, поэтому они всю жизнь занимались самообразованием. По сравнению с соратниками Ленина, сталинское окружение имело низкий уровень образования. Однако выборочные исследования 1920 г. показало, что лишь 5 % членов партии имели высшее образование, 8 % – среднее, 3 % – были неграмотными, а остальные – «низшее, домашнее или тюремное» (тем не менее уровень образования членов партии был выше среднероссийского; в это время лишь 1 % населения России имели образование выше начального, а свыше четверти населения были неграмотными) [18, с. 49]. Постышев и Ворошилов не окончили даже начальной школы. В частных разговорах Сталин неоднократно намекал К. Е. Ворошилову о необходимости серьезной учебы для главы военного ведомства, ведь именно этого требовал сам Ворошилов от своих подчиненных, но он остался глух к советам И. В. Сталина. С ошибками писали Хрущев и Каганович. Возможно, один из немногих случаев, когда Каганович действительно испытывал неудобства от отсутствия образования – переписка со Сталиным «Прочитав свое письмо, – сообщал Каганович Сталину в самом начале их переписки, – я вижу, что не выполнил Вашей директивы овладеть знаками препинания...» [23, с. 31]. Два или три года учился в школе Ежов. Впоследствии в анкетах он писал «незаконченное низшее» [27, с. 34]. При этом он был исключительно грамотным человеком. Двухклассную сельскую школу окончил А. А. Андреев, Л. М. Каганович, Я. Э. Рудзутак, С. В. Косиор, М. И. Калинин.

В реальных училищах образование получили В. М. Молотов, А. А. Жданов, Л. П. Берия, С. М. Киров, В. Я. Чубарь. Там преподавали в основном точные науки (математика, естествознание), а гуманитарные дисциплины практически не велись. В отличие от гимназий, дававших преимущественно классическое гуманитарное образование, реальные училища ориентировались на «общее образование, приспособленное к практическим потребностям и приобретению технических познаний» [18, с. 32]. С первого класса реалисты изучали Закон божий, русский и немецкий языки, географию, математику, рисование. На четвертом – пятом годах обучения к ним добавлялись еще один иностранный язык, физика, естественная история и черчение. Жданов рано потерял отца и не смог получить полноценного образования. Он учился в 3–7 классах в Тверском училище, полгода – на первом курсе Московского сельскохозяйственного института и 4 месяца в школе прапорщиков в Тифлисе, что не мешало ему писать в графе образования «незаконченное высшее». Молотов окончил позже Политехнический институт в Петербурге. В Бакинском Политехническом институте на архитектора учился Берия. Таким образом, Молотов и Берия – единственные представители политбюро, которые приблизились к получению высшего образования. Г. К. Орджоникидзе посещал один год

церковно-приходскую школу, окончил Харагаульское училище, получил фельдшерское образование при Михайловской больнице. Н. С. Хрущев учился на рабфаке Донецкого индустриального института, начинал обучение в Промакадемии, но в связи с новым партийным назначением обучение не окончил. Впрочем, Хрущев не обладал и «тюремным» образованием, которое имели многие представители политбюро, вступившие в партию до 1917 г. Находясь в тюрьмах и ссылках, многие революционеры России усиленно занимались самообразованием под руководством хорошо образованных марксистов [9, с. 47]. В. В. Куйбышев учился в кадетском корпусе, затем поступил в Военно-медицинскую академию, но не окончил ее.

Многие большевики получили религиозное образование: Сталин, Микоян, Петровский были семинаристами. И. В. Сталин окончил духовное училище, затем поступил в семинарию в Тифлисе. Г. И. Петровский два с половиной года учился в Харьковской духовной семинарии, а А. И. Микоян окончил Армянскую духовную семинарию в Тифлисе, затем учился в Эчмиадзинской духовной академии. Кстати, К. Е. Ворошилов пел в церковном хоре, а М. И. Калинин до совершеннолетия не пропускал церковных служб.

Такой уровень образования был у сталинских соратников в годы революции, гражданской войны и первые годы советской власти. Представители политбюро занимались самообразованием, и это позволило многим из них повысить уровень своих знаний.

1.4 Трудовая деятельность

Большинство представителей «ближнего круга» Сталина рано начали свою трудовую деятельность (Андреев с 1908 г. работал «мальчиком» в трактире, затем в ресторане «Гранд-отель»; Ворошилов с семи лет работал на шахте и пас скот, в 1896 г. поступил на завод в городе Алчевске; Ежов учился ремеслу портного, начиная с 1910 г., и проч.).

Профессиональный уровень сталинских соратников однозначно оценить нельзя.

Во-первых, потому, что непрерывного стажа работы на одном предприятии ни один из них не имел. Занимаясь подпольной революционной деятельностью, сталинские соратники «кочевали» с одного места работы на другое. Исключение здесь составляют С. В. Косиор, который с 1902 г. по 1905 г. работал на заводе непрерывно. Во-вторых, сталинские соратники были заняты на низкооплачиваемой работе и квалификации не имели, работали либо помощниками, либо учениками квалифицированных рабочих.

1.5 Военная служба

Многие из представителей «ближнего круга» Сталина смогли избежать мобилизации в годы первой мировой войны, перейдя на работу в патронно-гильзовые мастерские. Так поступили Андреев, Ворошилов, Киров, Чубарь. Избежал мобилизации Хрущев, так как работал в это время в шахте. Не служил в армии Рудзутак: в 1907 г. (год его призыва на службу) он был арестован и приговорен к десяти годам каторги. Сам И. В. Сталин в год призыва на службу (1898 г.) еще учился в семинарии, а затем перешел на нелегальное положение. Эмигрировав в 1908 г. в Великобританию, Эйхе таким образом избежал службы в армии. В. М. Молотов в год призыва в армию находился в ссылке в Вологде до 1912 г., а затем поступил в институт. С 1907 г. Постышев находился на нелегальном положении, в 1908 г. был арестован и отправлен на поселение в Иркутскую губернию. В. В. Куйбышев находился на нелегальном положении, поэтому службы в армии избежал.

С группой учеников семинарии Микоян записался добровольцем в армию и попал в дружину легендарного армянского военачальника Андраника. Он участвовал в боях и был на фронте до 1915 г., пока не заболел и не попал в госпиталь. В армию в 1916 г. был призван Жданов он служил прапорщиком в 139-м запасном пехотном полку. В июне – декабре 1917 г. Берия служил в армии техником-практикантом. Весной 1917 г. был призван в армию Каганович, где его арестовали за участие во Всероссийской конференции большевистских военных организаций. Всю первую Мировую войну Ежов прослужил в нестроевых частях: в запасном батальоне, с 1916 г. – в артиллерийских мастерских Северного фронта, которые дислоцировались в Витебске.

Несмотря на то, что службы в армии почти все сталинские соратники избежали, они принимали активное участие в революции и гражданской войне.

1.6 Революционная деятельность

Первыми среди сталинских соратников к социал-демократическому движению примкнул Петровский (1897 г.), то есть еще до формального создания РСДРП. В 1903 г. в РСДРП(б) вступили Орджоникидзе, Калинин, Ворошилов; в 1904 г. – Киров, Куйбышев, Постышев; в 1905 г. – Рудзутак, Шверник; в 1906 г. – Молотов; в 1907 г. – Косиор, Чубарь. В 1911 г. в партию большевиков вступил Л. М. Каганович. К революционному движению его привлек брат М. М. Каганович. В 1914 г. в РСДРП (б) вступил Андреев, в 1915 г. – Микоян, в 1917 г. – Ежов, в 1918 г. в РКП(б) вступил Хрущев. Эйхе в 1905 г. вошел в состав социал-демократической партии Латышского края. Берия вступил в партию в 1917 г., а по другим данным в 1919 г. Но многие представители «ближнего круга» начали свою революционную деятельность еще до вступления в ряды партии (Постышев, Жданов, Молотов, Микоян).

После вступления в партию сталинские соратники начали активную антиправительственную деятельность. Андреев был членом Петроградского комитета РСДРП(б), одним из организаторов Петроградского союза металлистов, членом его центрального правления. В октябре 1917 г. он участвовал в вооруженном восстании. Несколько рейсов по перевозке оружия из Финляндии организовал Ворошилов, а в Луганске им была организована лаборатория для изготовления бомб. Во время февральской революции 1917 г. Ворошилов был избран в Петроградский Совет. Ему пришлось быть председателем совета и городской головой Луганска.

Партийной работой на Украине занимался Л. М. Каганович: в марте – апреле 1917 г. он председатель Союза кожевников и заместитель председателя Юзовского совета; с мая 1917 г. – руководитель военной организации большевиков в Саратове; с июля 1917 г. – член Всероссийского бюро военной организации при ЦК РСДРП(б). В августе 1917 г. Каганович стал председателем Полесского комитета РСДРП(б) в Гомеле, где провозгласил Советскую власть.

С. М. Киров во время революции 1905–1907 гг. заведовал нелегальной типографией, руководил успешной забастовкой железнодорожников, был членом Томского РСДРП. В 1908 г. Киров в Сибири руководил созданием партийной организации. В 1909 г. он создавал нелегальные кружки во Владикавказе, работал репортером в газете «Терек»; в 1916 г. возглавил большевистскую организацию. Там же, во Владикавказе, Киров встретил революцию 1917 года и принял участие в октябрьском перевороте.

В. В. Куйбышев с октября 1917 г. был председателем Самарского ревкома и губкома, руководил вооруженным восстанием большевиков в городе.

М. И. Калинин участвовал в революции 1905–1907 гг., был членом Нарвского комитета РСДРП, принимал участие в создании газеты «Правда», был участником революции 1917 г. После октябрьского переворота он вошел в Учредительное собрание.

В партийный комитет Донецко-Юрьевского металлургического завода входил С. В. Косиор. В период 1912 – 1914 гг. он находился на нелегальной работе в Харькове, Киеве, Полтаве, с 1915 г. – в Москве.

Среди сталинских соратников было немало таких, кого жизненные обстоятельства и характер вели в революцию. Они часто брались за опасные и рискованные поручения. Поэтому многие из сталинских соратников неоднократно арестовывались, бежали, направлялись на вечное поселение. Так, во время транспортировки оружия в декабре 1905 г. был арестован С. Орджоникидзе. Он несколько месяцев просидел в тюрьме, участвовал в распространенных тогда среди политзаключенных голодовках; при помощи товарищей до суда был выпущен под залог, скрывался. В 1907 г. он вновь был арестован. Сумев скрыть свое имя, после 26-дневного заключения вышел на свободу. В ноябре 1907 г. последовал четвертый арест, заключение в крепость и ссылка на вечное поселение в Сибирь в Енисейскую губернию. После нескольких месяцев ссылки Орджоникидзе бежал, вернулся в Баку. Вновь был арестован в 1912 г. и пробыл три года в Шлиссенбургской каторжной тюрьме, а в 1915 г. сослан в Якутию на вечное поселение.

К. Ворошилов руководил забастовками и митингами, был арестован, но освобожден по требованию подошедших к тюрьме рабочих. После поражения революции был арестован и выслан на три года в Архангельскую губернию, бежал в Баку. В 1908–1912 гг. находился в тюрьмах и ссылках. Был амнистирован в 1913 г. по случаю трехсотлетия дома Романовых. Каганович в 1915 г. он был арестован и выслан в родную деревню, после чего перешел на нелегальное положение. Несколько раз Киров подвергался краткосрочным арестам, а в 1907 г. был осужден на год и четыре месяца заключения. С марта 1906 г. Куйбышев находился на нелегальном положении. Неоднократно арестовывался и

провел в ссылках всего семь лет, откуда либо освобождался, либо бежал. Освобожден из ссылки в Туруханском крае февральской революцией. Четырежды арестовывался Косиор. В 1915 г. его сослали в Иркутскую губернию на три года. Освобожден февральской революцией и переехал в Петроград. Молотов неоднократно арестовывался и ссылался. В 1916 г. бежал из Сибирской ссылки. Постышев в апреле 1908 г. был арестован и отправлен в Иркутскую губернию. Рудзутак в 1907 г. был арестован и отправлен на каторжные работы на десять лет; освобожден февральской революцией. Эйхе был арестован и сослан в Енисейскую губернию в 1915 г, бежал, в 1917 г. стал членом президиума Рижского совета, затем на состоял на подпольной работе, в январе 1918 г. он арестован, в июле – бежал в Москву. Сам Сталин с 1902 по 1913 гг. был арестован 8 раз, 7 раз сослан, но вскоре бежал (кроме ссылки 1913 г.)

Немногие из сталинских соратников в ходе революционной деятельности побывали за границей. Орджоникидзе в 1906–1907 гг. скрывался от полиции в Германии, затем переправился в Персию, где руководил боевой дружиной, оказывая революционную помощь иранским повстанцам. Весной 1911 г. Орджоникидзе приехал в Париж, где впервые встретился с Лениным и стал слушателем партийной школы в Лонжюмо, организованной для обучения большевиков-практиков, а в 1912 г. он участвовал в Пражской партийной конференции. В 1906 г. в Стокгольме в качестве делегата четвертого съезда РСДРП был Ворошилов; в 1907 г. он участвовал в работе пятого съезда РСДРП в Лондоне. Партийную работу в Риге и Виндаве вел Рудзутак. Эйхе вел партийную работу в Митаве и Риге. Калинин принимал участие в шестой Пражской конференции РСДРП.

1.7 Советская работа и участие в Гражданской войне

В годы Гражданской войны часть представителей политбюро находилась на партийной и хозяйственной работе «в тылу» (Андреев, Жданов, Каганович, Калинин, Молотов, Петровский, Постышев, Рудзутак, Эйхе, Чубарь, Берия), часть принимала непосредственное участие в боевых действиях (Ворошилов, Куйбышев, Орджоникидзе, Хрущев, Микоян, Киров), некоторые совмещали оба вида деятельности (Косиора, Шверника).

2. Семейное положение

Частная жизнь существенно дополняет психологические портреты людей, которые долгие годы руководили нашим государством. Писатель Лариса Васильева считает: «В начале века личное сливалось с общественным, взаимопонимая, взаимодополняя друг друга. Женщина шла за идеей, сочетая ее с чувствами. Мужчина, в меньшей степени предаваясь чувствам, тоже искал счастливых сочетаний. Если пара была в единомыслии, она была счастлива. Если начинались разномыслия – пара распадалась» [7, с. 174]. Дважды были женаты И.В. Сталин, В. В. Куйбышев, Н. И. Ежов, Г. И. Петровский, а Н. С. Хрущев – трижды.

Социальное, этнокультурное происхождение, а также образование и жизненный опыт кремлевских женщин был разнообразен. Среди них были выходцы из крестьян (Нина Хрущева), ремесленников (Полина Жемчужина, Дора Хазан), разночинцев (Ашхен Микоян, Надежда Аллилуева), рабочих (Екатерина Калинина, Мария Кирова, Евгения Ежова) и даже мелкопоместных обедневших дворян (Нина Берия). Среди кремлевских жен было много евреек (Хазан, Ворошилова, Каганович, Ежова, Жемчужина, Кирова, первая жена Куйбышева, первая жена Петровского Доминика), но были представительницы и других национальностей: грузинка Н. Берия, армянка А. Микоян, украинка Н. Хрущева, русские – З. Жданова, первая жена Ежова – А. Титова, М. Шверник, вторая жена Петровского – Александра Першина и т. д.

Преобладающей формой семейно-брачных отношений являлись отношения, освященные любовью. Два человека заключали союз добровольно, поскольку не представляли своей жизни друг без друга. В частности, брак Климента Ворошилова и Гоиды Горбман был разрешен только при условии венчания в церкви. Невеста приняла православие и стала Екатериной Давидовной. На родине Гоиды раввин предал ее проклятию, но полувековой брак Екатерины и Климента оказался гармоничным. Анастас Микоян женился на своей троюродной сестре Ашхен. Даже такое препятствие как родственные связи не остановили их. В 1920 г. Микояна направили в Нижний Новгород секретарем губкома, а в 1921 г. Ашхен переехала к нему, и они поженились. Анастас Микоян с женой прожили вместе больше сорока лет и воспитали пятерых сыновей.

Подобно своим мужьям, кремлевские жены не получили последовательного образования, одна-

ко со временем многие из них повысили свой образовательный уровень. Наиболее образованными среди женщин Кремля были Дора Хазан (окончила Промакадмию; кроме того у нее было музыкальное образование – она хорошо играла на рояле), Нина Хрущева (окончила Одесскую школу, курсы экономистов, затем училась в Свердловском университете), Нина Берия (начальная школа, училище, Тимеязевская сельскохозяйственная академия), Полина Жемчужина (окончила экономический факультет Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова), Надежда Аллилуева (окончила факультет искусственного волокна в Промакадемии), Зинаида Орджоникидзе (Педагогический институт имени Н. К. Крупской). Случалось и так, что обстоятельства заставляли женщин прерывать учебу. Так, первая жена Н. И. Ежова Антонина Титова училась в Казанском Университете на физико-математическом факультете, но война заставила бросить учебу и начать работать. Тем не менее, после войны уже в 1920-е гг. она окончила Сельскохозяйственную Академию имени Тимеязева. Имелись и обратные примеры: жена С. М. Кирова Мария Маркус окончила только два класса немецкой школы и специального образования не имела.

Многие кремлевские жены рано начали свою трудовую деятельность. Мария Каганович работала на трикотажной фабрике, Мария Маркус в редакции газеты «Терек», Нина Берия работала с детства домашней прислугой. Начиная с 1910 г. Полина Жемчужина работала на табачной фабрике в Екатеринославле, затем кассиром в аптеке. Сложные жизненные обстоятельства и общественно-политическая ситуация вели многих девушек в революцию. Полина Жемчужина вступила в партию в 1918 г., с 1918 по 1919 гг. она работала политработником в частях 12-й армии, заведовала клубом, а в 1919 г. была направлена на подпольную работу в Киев. В 1919–1920 гг. она была инструктором по работе среди женщин ЦК КП(б) Украины, в 1920–1921 гг. – заведующей женским отделом Запорожского горкома. В революционном движении с 1905 г. участвовала Екатерина Калинина. Она вступила в РСДРП(б) в 1917 г. В 1912 г. в партию вступила Дора Хазан. Из воспоминаний Н. С. Хрущева следует, что Нина Петровна принимала активное участие в партизанском движении и даже выполняла ответственные разведывательные задания. Она вступила в РКП(б) в 1920 г. В том же году возглавила женскую секцию коммунистической партии Западной Украины. В Донбасс ее направили в составе компании для проведения чистки в рядах РКП(б). С 1922 г. в Донбассе на рабфаке она преподавала политэкономии, одновременно вела занятия в окружной партийной школе в Юзовке. Мария Каганович принимала участие в революционном движении, а в 1909 г. вступила в РСДРП(б). Зинаида Жданова вступила в партию в 1918 г.

Знакомство представителей политбюро со своими будущими женами в основном происходили в связи с их революционной деятельностью. Знакомство Л. М. Кагановича со своей будущей женой произошло во время выполнения тайного задания партии. В целях конспирации большевикам пришлось изображать семейную пару. Они полюбили друг друга, поэтому играть роли молодоженов оказалось не трудно. Знакомство Полины Жемчужиной и Вячеслава Молотова произошло в 1921 г., когда тот был избран секретарем ЦК, а она была председателем женотдела в Запорожье. В литературе бытует версия о том, что Полина во время съезда председателей женотделов в Москве заболела и лежала в больнице, а Вячеслав Молотов решил ее навестить. Так состоялось знакомство [7, с. 79]. В 1921 г. они поженились. Тридцатилетний М. И. Калинин встретил двадцатитрехлетнюю Екатерину Лорберг в 1905 г. в Петербурге на квартире большевички Т. Словатинской. В июле 1906 г. они поженились. Нина Тимуразовна Гегечкори в 1922 г., в 16 лет, вышла замуж за Л. П. Берия. Из воспоминаний Нины Берия следует, что познакомились они с Л. П. Берия, когда она с сестрой Верой ходила в тюрьму навестить своего родственника Александра Гегечкори. В одной камере с ним сидел Л. П. Берия. Но тогда Нина была школьницей и не заметила своего будущего мужа. После установления советской власти в Грузии Л. П. Берия часто ходил в гости к Саше Гегечкори. Так состоялось знакомство будущих супругов. По словам Нины Теймуразовны, Л. П. Берия направили в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Но было выдвинуто одно условие – он должен был жениться. *«Я подумала и согласилась – чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж и создать собственную семью. Так, ничего никому не сказав, я вышла замуж за Лаврентия...»* [2, с. 168]. Таким образом, для Нины это был брак по расчету: кроме желания покинуть чужой дом, после революции требовалось скрывать дворянское происхождение, не афишировать его. Да и сам Л. П. Берия женился ради поездки за границу. Видимо, это был единственный «брак по расчету» среди сталинских соратников, который, по воспоминаниям очевидцев, брак оказался достаточно надежным. С. М. Киров познакомился со своей женой Марией Львовной Маркус (девушкой из многодетной семьи) во Владикавказе в 1909 г. Она работала кассиром в редакции газеты «Терек». Знакомство Доры Хазан с А. А. Андреевым произошло на Путиловском заводе

накануне революции. Вскоре они поженились. Н. С. Хрущев познакомился с 22-летней Ниной Петровной Кухарчук в Донбассе. Она преподавала политэкономии на рабфаке, где Никита Хрущев учился. Они поженились в 1924 г. Очевидно, Николай Ежов и Антонина Титова познакомились в Суконно-Слободском районе партии, где она работала техническим секретарем, а он бывал по делам. На момент знакомства Евгении Гладун с Ежовым было по 26 лет. К этому времени она успела побыть замужем дважды. Но это не смущало Н. И. Ежова и вскоре они поженились [6, с. 65]. К. Е. Ворошилов познакомился со своей будущей женой Гоидой Горбман в Архангельской ссылке. А. И. Микоян встретил свою будущую жену Ашхен еще до революции во время учебы в Тифлисской семинарии. Он жил у родственников, в семье своего дяди Лазаря Тумасяна и его жены Виргинии.

На наш взгляд, можно выявить два типа кремлевских женщин. К первому стоит отнести тех, кто пытался играть активную роль в общественной жизни (Татьяна Постоловская-Постышева, Полина Жемчужина, Екатерина Калинина, Дора Хазан); ко второму типу – тех, кто занимал должности, но особого рвения в карьере не проявлял (Мария Каганович, Екатерина Ворошилова, Доменика Петровская, Зинаида Орджоникидзе, Евгения Коган-Куйбышева, Пани Афанасьевна Стяжкина-Куйбышева); и тех, кто по разным причинам покинул работу (Мария Маркус-Кирова, Евгения Ежова, Нина Хрущева), или не работал вообще (Ашхен Микоян). В 1930-е гг., опираясь на высокое положение мужа, активную политическую жизнь, например, в решении кадровых вопросов пыталась вести жена Постышева – Татьяна Постоловская. Она занимала пост секретаря парткома Украинской Ассоциации марксистско-ленинских научных институтов и принимала деятельное участие в многочисленных конфликтах и склоках, вспыхивающих среди «бойцов идеологического фронта». Дора Хазан прошла путь от директора Кунцевской ткацко-отделочной фабрики до заместителя наркома легкой промышленности. В годы Великой Отечественной войны она руководила производством спецодежды и ее доставкой в войска. Е. И. Калинина в 1931 г. руководила одной из строек на Алтае, затем работала в Верховном суде РСФСР. Имеются свидетельства, что она достаточно резко выступала на партийных собраниях, заявляя, что многие решения Верховного суда мало обоснованы. Полина Жемчужина руководила наркоматом парфюмерной промышленности, потом работала в наркоматах пищевой и текстильной промышленности, а в 1939 г. стала наркомом рыбной промышленности. В партийной среде считалось неприличным, чтобы жена сидела дома и не работала, поэтому почти все жены занимали общественные или государственные должности: Д. Ф. Петровская работала в аппарате ЦК КП(б)У; Е. Д. Ворошилова занимала пост заместителя директора Музея имени Ленина; З. Орджоникидзе работала в детских дошкольных учреждениях; М. Каганович с 1931 г. и до ухода на пенсию (в течение 27 лет) работала на выборной руководящей работе в профсоюзах; Евгения Коган с 1934 по 1937 гг. являлась членом ЦРК и секретарем МГК по пропаганде; в торгпредставительстве работала П. Стяжкина; в Тимирязевской академии долгие годы работала Нина Берия. Весной 1929 г. Мария Маркус возглавила спецпрофилакторий для проституток, который открылся в Ленинграде в 1928 г., она работала с большим рвением, допоздна задерживалась на службе, но в середине 1930-х гг. по настоянию мужа она покинула эту работу, кроме того, у нее были проблемы со здоровьем (рассеянный склероз). При содействии мужа Евгения Ежова получила должность заместителя редактора журнала «СССР на стройке», выходившего на четырех европейских языках, позже возглавляла редакцию «Иллюстрированной газеты». Евгения, кроме того, стала одной из дам советского высшего света; она держала литературный салон, где бывали писатели, журналисты, люди искусства. Она вынуждена покинуть работу в газете в связи с обвинениями в ее адрес.

Для тех же, кто не занимал подобных должностей, была создана специальная Парторганизация для неработающих членов партии из семей, живущих в Кремле. Ашхен Лазаревна Микоян состояла в этой организации, и партсобрания стали ее единственной заботой. Нина Петровна Хрущева – сама партийность – неожиданно в 1930-е гг. становится простой домохозяйкой, утверждая новый тип женщины Кремля, для которой дети и кухня уравниваются с партийной принадлежностью, становятся выше интересов партийной работы. Она оставалась спутницей жизни Хрущева вплоть до смерти. Будучи организованной и хозяйственной женщиной, Нина Петровна умело справлялась с домашними заботами большой семьи Хрущевых.

Со временем резкие социальные перемены привели к упадку патриархальной российской семьи. Авторитарная власть мужчины ослабла. Исключением не стали и кремлевские семьи, жизнь которых была детерминирована условиями развития конкретного общества. Следуя традиции начала XX века, некоторые сталинские соратники не регистрировали браки (Н. С. Хрущев). Не оформлял свой первый брак и Сталин по причине того, что находился на нелегальном положении: по общепринятому мнению, в те годы партия для большевиков должна была быть важнее семьи. Однако

в 1930-е гг. разводы не приветствовались. По мнению Сталина, семья должна быть крепкой. Даже если в браке не все было хорошо, формально семья сохранялась. В частности, существуют факты, подтверждающие неверность С. М. Кирова, который поддерживал романтические отношения с сотрудницами партаппарата Ленинградской организации. К тому же, в связи с болезнью Марии Львовны у Кировых не было детей, но они не разводились и жили в одной квартире. А все письма к жене С. М. Киров начинал словами «Дорогая Маруся!» и подписывал «Целую, твой Сергей» [21, с. 65]. Верным мужем не был и Л. П. Берия. Достоверно известно, что у него была внебрачная дочь Марта. Это подтверждает сын Л. П. Берии Серго [25, с. 365]. Внебрачные дети были и у И. В. Сталина: Александр Давыдов и Константин Кузаков. Первый – сын Лидии Перепрыгиной, проживавшей в деревне Курейка, где в 1913-1916 гг. Сталин отбывал седьмую ссылку. По некоторым данным, вождь дважды пытался забрать сына в Москву. Второй – сын Марии Кузаковой, проживавшей в Сольвычегорске, где будущий вождь пребывал в 1910 г. Во время чистки 1930-х гг. он попал под подозрение и написал письмо отцу, Сталин сделал на письме пометку: «*Не трогать*» [20, с. 34].

В 1930-е гг. существовала еще одна традиция – сохранение девичьих фамилий у жены. Свою фамилию сохранили Надежда Аллилуева, Дора Хазан, Полина Жемчужина, Татьяна Постоловская, Ашхен Туманян. Это было символом равноправия мужчины и женщины. Тем не менее, большинство кремлевских жен приняли фамилии своих мужей.

Взаимоотношения в кремлевских семьях были построены в большинстве случаев на доверии и уважении. В семьях царила атмосфера естественности, честности, любви. Учеными выделяется группа позитивных факторов, влияние которых повышает вероятность успешных и гармоничных отношений в браке. К ним относят следующие факторы: образование мужа должно быть выше, чем образование жены; оптимальный возраст вступления в брак 23–27 лет; общая религиозная и социальная принадлежность; ценностно-ориентационное единство (совпадение убеждений, мировоззренческих позиций). По этим критериям среди кремлевских семей существовала идеальная пара: Лазарь и Мария Кагановичи. Они всегда держались за руки даже во время поездок в лимузинах политбюро. Религиозная и социальная принадлежность, уровень образования и возраст вступления в брак, а также общность революционных взглядов выделяли эту семью среди других. Лариса Васильева именно эту семейную пару считает идеальной: «Примером устойчивого, гармоничного единомыслия может служить семья Кагановичей – Лазарь и Мария. Среди большинства других кремлевских семей характерен некий смешанный тип разномыслия, стремящегося к единомыслию» [7, с. 99]. Действительно, остальные пары были «в разномыслии», хотя это не мешало семейному счастью. В частности, у Андреевых не было ни общности религиозного, ни социального происхождения; образование Доры Хазан было намного фундаментальнее (высшее), чем у Андреева (двухклассная сельская школа), к тому же возраст их вступления в брак не был оптимальным – 21 и 22 года. Однако по свидетельству дочери Андреевых Натальи: «*В доме царила атмосфера спокойствия, любви и доброжелательности*» [3, с. 286]. Н. Андреева вспоминает: «*У мамы также было развито высокое чувство скромности. Она помогла ему (А. А. Андрееву) стать тем, чем он стал. Ее настойчивость, такт, выдержка, терпение, эрудиция – все вместе помогало отцу в начале повысить уровень образования, а затем стать подлинно культурным человеком, личностью*» [3, с. 314]. Аналогичная ситуация характеризовала семьи Берии, Ворошилова, Калинина, Молотова, Орджоникидзе, Косиора. Вячеслав Молотов не просто любил жену – он уважал, восхищался, гордился ею. По утверждению Серго Берия, непосредственно дома Л. П. Берия был образцовым семьянином. Л. Васильева пишет, что не было «единомыслия» и в семье вождя: «Сталин и Аллилуева – типичный пример разномыслия. Пример невозможно-сти понять друг друга, приблизиться к взаимопониманию» [7, с. 99]. Разная национальная принадлежность, примерно одинаковый уровень образования, огромная разница в возрасте (22 года) не сделали счастливым их брак. Он чаще всего был занят работой и большую часть времени проводил в Кремле. Н. С. Аллилуева несколько раз уходила от него вместе с детьми. Самой дружной из кремлевских семей можно считать семью Микояна: Анастас и Ашхен и пятеро сыновей. Большая семья была у Калинина. Михаил Иванович следил за жизнью детей, проверял уроки, обсуждал их школьные проблемы. Каникулы часто проводили в деревне Верхняя Троица, где Калинин с сыновьями участвовали в покосе.

Одной из наиболее привлекательных традиций большевистской партии была практика усыновления детей, погибших товарищей и обычных сирот. И. В. Сталин усыновил А. Сергеева в 1921 г., когда погиб его отец – известный революционер Артем (Сергеев Ф. А.), а мать была тяжело больной. Были приемные дети у А. И. Микояна – сын С. Шаумяна, одного из Бакинских комиссаров. У Ворошиловых не было своих детей, но они вырастили пятерых приемных: беспризорника Петра

они взяли в семью во время Гражданской войны, а после смерти Фрунзе воспитывали его детей – Татьяну и Тимура, а также Евгения и Ивана Порхоменко. Не было родных детей у Ежовых, и они взяли из приюта девочку Наташу (после гибели родителей она была отправлена в Пензенский детский дом). После ареста ленинградского секретаря М. С. Чудова и его жены Шапошниковой, Полина Жемчужина не побоялась и взяла на воспитание их ребенка. Приемный сын был у Кагановичей. Нина Петровна Хрущева воспитывала не только своих детей – Раду, Сергея и Елену, но и детей мужа от первого брака.

По словам М. Восленского, начальственные дети не были забыты. Все они достигли высокого положения, став учеными, дипломатами, военными и т. п. Академии, институты, университеты принимали кремлевских детей, как правило, безоговорочно. Были в кругах Кремля и модные в то время профессии: самая престижная профессия сталинской эпохи – летчик (Василий Сталин, Леонид Хрущев, Степан Микоян, Владимир Микоян, Вано Микоян, Алексей Микоян, Юрий Каганович). А вот Серго Берия, Владимир Андреев и Сергей Хрущев выбрали науку. Военными стали приемные дети Ворошилова – Петр, Евгений и Иван Пархоменко, а также Петр Петровский и Леонид Постышев. По существующей в 1930-е гг. традиции судьба детей революционеров предопределялась волей партии, волей ее лидеров. Так, К. Е. Ворошилов настаивал на том, чтобы его приемный сын Тимур Фрунзе стал артиллеристом. Нарком даже подарил ему книгу «Артиллерия», на титульном листе которой была надпись: *«Будущему, обязательно отличному, артиллеристу Тимуру от К. Ворошилова. 8/III 1938. Москва»* [1, с. 35]. Однако, Тимур ушел в авиацию. У девушек считалось модным окончить исторический, либо филологический факультеты: Светлана Сталина окончила истфак МГУ; Рада Хрущева стала журналистом, позднее окончила биофак; Наталья Андреева защитила докторскую диссертацию по биологии; Юлия Хрущева – по биохимии. В основном все они стали достойными людьми.

По словам английского публициста Монтефиоре Симона «большевистская партия не была простым сборищем групп и фракций, каждая из которых боролась за свои интересы. Скорее это было что-то вроде семейного бизнеса» [15, с. 62]. Верхушка партии состояла из целых кланов. Лазарь Каганович был младшим из пяти братьев. Кроме него высокие посты занимали еще двое Кагановичей. Кавказом, где семейные связи были в особом почете, руководили два родных брата Серго Орджоникидзе: Папулия Орджоникидзе работал в наркомате путей сообщения, Валико Орджоникидзе в Тифлисском Совете. Братья Станислава Косиора также занимали высокие должности. Иосиф Косиор руководил нефтяной промышленностью на Кавказе. Важные посты занимали все родственники Надежды Аллилуевой: Станислав Реденс (муж Анны Аллилуевой – сестры Надежды) до 1931 г. руководил ГПУ Грузии, затем был переведен в Харьков, а в 1932 г. был назначен начальником Московского ГПУ; Павел Аллилуев (брат Н. С. Аллилуевой) работал военным комиссаром в автобронетанковом управлении РККА, а в 1938 г. был назначен наркомом танковых войск. Александр Сванидзе (брат первой жены Сталина) был заместителем председателя государственного банка СССР. Его сестра Марико Сванидзе работала в секретариате А. С. Енукидзе. Удачно карьера сложилась у сына Г.И. Петровского Леонида. Он родился в 1902 г., а в 1918 г., приписав себе пять лет, добровольцем вступил в Красную Армию. Позднее он окончил Военную Академию РККА. В ноябре 1937 г. был назначен командующим войсками среднеазиатского военного округа, а с февраля 1938 г. стал заместителем командующего войсками МВО. Молотов ежедневно встречал в приемной Сталина своего дальнего родственника Александра Поскребышева, а народный артист СССР Б. Чирков был его племянником. Гай Лазаревич Туманян (родной брат Ашхен Микоян) стал генерал – лейтенантом.

3. Качество быта партийной элиты

В 1934–1939 гг. у высших руководителей жилищной проблемы не возникало. Квартиры в Кремле закреплялись за ними, пока они оставались на своих постах. Если же кто-то попадал у Сталина в немилость, то наличие московской квартиры теряло всякий смысл как для опального деятеля, так и для его домочадцев, которые пополняли тюрьмы, лагеря или детские дома.

В Кремле все были рядом с вождем, у него на глазах. Здесь же находились и рабочие кабинеты, зал заседаний политбюро. Александр Поскребышев заведовал особым сектором в личной охране Сталина. Он назначал и контролировал комендатуру и обслуживающий персонал Кремля – от высших офицеров до сотрудников музеев и поваров. В Кремле Сталин практически не жил. Основное время он проводил на даче в Кунцево. Комендантом «Ближней», как ее называли, был Н. Власик. По словам Светланы Аллилуевой, именно он управлял всей охраной всех дач на юге и в Москве [3, с. 36]. Хотя в

доме было много комнат, но Сталин жил в одной комнате. Дочь, Светлана Аллилуева, рассказывает, что спал он на диване, на столике рядом стояли телефоны необходимые для работы; большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же на краешке ему накрывали поесть, если больше никого не было. Тут же стоял буфет с посудой и с медикаментами. В комнате лежал большой мягкий ковер и камин – единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые Сталин не только признавал, но и любил.

Несмотря на то, что в кремлевских стенах бытовал «синдром скромности», многие члены политбюро жили далеко не аскетично. В. Я. Чубарь и Г. И. Петровский жили в специально подготовленных для них особняках. Вилла Постышева, расположенная в Липках напротив Мариинского парка, была построена в стиле барокко, изящная, легкая, воздушная. Впрочем, и другие особняки ей не уступали. Например, дворец председателя УЦИК Петровского. Постышев, хотя вскоре и въехал в особняк, продолжал держаться скромно. Украинские вожди разъезжали в «бьюиках» и «линкольнах». Постышев пользовался не зарубежным авто, а советским «газиком» с брезентовым верхом. Служебные машины были у всех представителей политбюро. Автопарк политбюро состоял главным образом из «ГАЗ-А» и «ЗИС», начало производству которых было положено в 1930-м г. Именно «ЗИС» выпускал автомобили высшего класса. С 1936 г. на «ГАЗе» началось производство новых комфортабельных машин модели «М1», а в 1937 г. на «ЗИСе» – производство автомобилей «ЗИС 101» с кузовом «лимузин» (с перегородкой за передним сидением, толщина двойных стенок достигала 30–40 мм., пуленепробиваемых стекол – 80 мм., двойное дно, двойная крыша, усиленная задняя стенка) [26, с. 21–24].

Сталин создал имидж внешне нетребовательного советского гражданина, которому многого не надо: старая шинель, сапоги, трубка – все его богатство. Но следует заметить, что сапоги ему шили на заказ, сигареты он курил дорогие и популярные – «Герцеговина Флор», а часы у него были серебрянные [5, с. 142]. С. Аллилуева вспоминала о пачках денег в кабинете отца. Сама история правдоподобна. Сталину действительно не надо было носить деньги в кармане. *«Денег он сам не тратил, – писала С. Аллилуева, – их некуда и не на что было тратить»* [2, с. 38]. В солнечном Крыму резиденцией Сталина был Ливадийский дворец, до революции принадлежащий последнему русскому царю Николаю Второму и его жене. Другими резиденциями Сталина в Крыму были Юсуповский дворец в Кореизе, Александровский дворец, дом в Мухоматке. На Кавказе, в Зеленой роще, близ Мацесты, также была построена двухэтажная дача для Сталина и его семьи.

В 1919 г. у советского руководства появились государственные дачи. У Андреева была дача Архангельское, по словам дочери, он ее очень любил. В прошлом это было имение купца Васильева, построенное в ложноанглийском стиле на высоком берегу реки Цыганки, притоке Десны. Дом был с башнями, флюгерами и витражами. Внутри обшит мореным дубом. В столовой дубовые лавки и огромный камин-очаг. В каждой комнате были изразцовые голландские печи. По описанию С. Аллилуевой, дача Микояна выглядела так: *«... В доме мраморные статуи, вывезенные в свое время из Италии; на стенах – старинные французские гобелены; в окнах нижних комнат – разноцветные витражи. Парк, сад, теннисная площадка, оранжерея, конюшня...»* [2, с. 40]. С. Аллилуева рассказывает и о даче К. Е. Ворошилова: *«... Портреты всех членов его семьи, сделанные "придворным академиком живописи", Александром Герасимовым, украшали стены...»* [2, с. 39].

Как представитель номенклатуры Эйхе имел такие же привилегии (материальное обеспечение, дачи, квартиры и т.д.), но пользовался ли этим Эйхе в полной мере, ответить сложно. Имеется воспоминание А. И. Мироновой-Король (жены начальника управления НКВД по Западносибирскому краю в середине 30-х гг.) о резиденции Эйхе: *«И вот представьте себе. Зима. Сибирь. Мороз... Глухомань, тайга и вдруг... забор, за ним сверкающий сверху донизу огнями дворец. Мы поднимаемся по ступеням, нас встречает швейцар, кланяется почтительно... Огромный залитый светом вестибюль. Прямо – лестница, покрытая мягким ковром, а справа и слева в горшках – на каждой ступеньке – живые распускающиеся лилии...»* [19, с. 54]. Однако других свидетельств, подтверждающих ее воспоминания, не обнаружено. Имеется больше свидетельств другого плана, одно из которых принадлежит Э. М. Глазуновой: *«Скромнен и неприхотлив. За все 10 лет я не помню на нем хорошего добротного пальто...»* [19, с. 55].

Вне кремлевских стен жил только Л. П. Берия: говорил, что в Кремле низкие потолки. Ходили слухи, будто он уговорил Сталина, что шефу госбезопасности лучше находиться вне Кремля, чтобы в случае диверсии или восстания руководить спасением членов политбюро. Так или иначе, Хозяин разрешил занять ему особняк на углу улицы Качалова и Садового кольца. Там Берия был независим от условностей. Дом Берии по улице Чонкадзе был выстроен в форме латинской буквы L. На третьем

этаже, обведенным с одной стороны балконом, были расположены спальни и рабочие кабинеты. Туалетная комната Берии была шикарной – с мраморной ванной. Вся мебель в доме была выполнена на заказ в стиле конструктивизма 1930-х гг. В доме был тренажерный зал со всеми гимнастическими снарядами и бильярдная [14, с. 112].

Питание кремлевских чиновников вообще было особой графой. Приезжавших в Москву иностранцев всегда поражало фантастическое изобилие кремлевских банкетов и приемов. Столы буквально ломились под тяжестью яств и напитков. Каждое утро в комнату Молотова приносили большие термосы и корзинки с провиантом для наркома на случай, если он в обед окажется здесь. Та же операция проводилась в его апартаментах в Кремле. Продукты для высшего руководства выращивались и приготавливались на специальных базах и специальных комбинатах под строгим наблюдением Особого отдела правительственной охраны. Руководил этим деликатным делом главный повар хозяина из НКВД Игнаташвили, которому Сталин, опасавшийся потенциальных отравителей, присвоил высокий чекистский чин [5, с. 146]. По свидетельству Светланы Аллилуевой, все продукты питания: мяса, рыба, овощи, фрукты, хлеб, вино – подвергались лабораторному исследованию и поступали на кухню, причем каждый пакет сопровождался актом, заверенным подписью токсиколога и печатью [2, с. 56].

В целом на питание выделялось 500 руб. на одного человека в месяц. За продуктами жены «вождей» ездили в «Кремлевку». Так, обед, рассчитанный на двоих, был в самую пору на девятерых. К обедам всегда давалось полкило масла и черной икры. Вместе с обедом можно было брать «сухой паек» – гастрономию, бакалею, сладости, спиртное [7, с. 238].

Широко известно, что неформальные связи укрепляют коллектив. Возможно, следуя этому правилу, Сталин организовывал коллективный досуг. Регулярно члены политбюро посещали Музей изобразительных искусств, Третьяковскую галерею, Эрмитаж, Большой театр (оперы «Князь Игорь», «Иван Сусанин», «Садко», «Евгений Онегин», балеты «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Дон Кихот»). На даче Сталина устраивали кинопросмотры советских и зарубежных фильмов [3, с. 324]. После заседаний политбюро ехали на дачу Сталина «обедать» – такие «обеда» начинались и два и в три часа ночи. Вождь требовал, «чтобы все веселились: пели и танцевали, но только не задумывались» [8, с. 173]. Для сталинского окружения положение было трудное, т. к., кроме Микояна и Хрущева, никто танцевать не умел, но импровизировать пытались. Н. С. Хрущев играл на балалайке, пел частушки и танцевал вприсядку. Ежов имел хороший слух и голос, любил петь. Хотел даже попасть на сцену. Но его не взяли из-за маленького роста. Его любимая песня «Ты не вейся, черный ворон...» [12, с. 105]. Жданов немного играл на рояле и гармошке, неплохо пел. В числе его товарищей по песне был Климент Ворошилов [10, с. 79]. Часто на кремлевских банкетах выступали певцы и балетные артисты из Большого театра. Певцы и певицы – М. Д. Михайлов, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, В. А. Давыдова – обычно пели арии из русских и популярных иностранных опер, а также народные песни и новые песни советских композиторов.

Историк В. А. Невежин выделяет следующие основные виды сталинских застолий: семейные, дружеские, или «симпосионы», кремлевские приемы, дипломатические приемы (рауты). Семейные трапезы устраивались, как правило, на кремлевской квартире, либо на одной из дач Сталина. После смерти его второй жены Аллилуевой представители сталинского семейного «клана» в течение некоторого времени продолжали собираться у Сталина на обед или ужин [17, с. 13]. К середине 1930-х гг. прежние семейные застолья, которыми Сталин тяготился, стали приобретать характер «дружеских» обедов и ужинов. Хотя костяк участников застолий практически не менялся (Молотов, Каганович, Ворошилов, Берия – все те, кто дожил до XVIII съезда), круг приглашенных расширился. Местом сбора становились дача или квартира Сталина, Ворошилова, Молотова. Правительственная ложа Большого театра, Георгиевский зал Большого Кремлевского Дворца. В целом, кремлевские приемы можно рассматривать как важные мероприятия, имевшие большое значение не только для укрепления личной власти И. В. Сталина, но и для консолидации вокруг вождя представителей политической элиты.

На Кузнецком мосту находилась наркоминдельская пошивочная мастерская, где высшему составу наркомата по специальным талонам можно было сшить костюм. «Конечно ни о каких туалетах, об элегантности не может быть и речи. Кремлевские жены никогда не носили вечерних платьев, не делали причесок», – вспоминает сноха Л. М. Кагановича [7, с. 145]. Кремлевский синдром скромности не обошел никого. Хотя возможности были большие. Сноха Лазаря Кагановича рассказывает: «Быт скромный. Одежда вся итупалась. За все платили. Своих вещей никаких. В квартире на всей мебели бирки – казенная...» [17, с. 146]. Внутри Кремля располагалась

парикмахерская для сотрудников высшего ранга. Обслуживание было бесплатным. Одежда для высшего руководства изготавливалась в специальных пошивочных мастерских при наркоматах. Все они носили полувоенный френч и сапоги, за исключением М. И. Калинина, который предпочитал серые и темно-синие костюмы, и В. М. Молотова, который любил светлые костюмы. Н. С. Хрущев костюмы не любил, а носил широкие рубахи с коротким рукавом. Л. П. Берия форму носил редко, отдавая предпочтение свитерам и брюкам. Он всегда носил шляпу. В домашней обстановке К. Е. Ворошилов носил фланелевые костюмы белого цвета.

Досуг и увлечения представителей сталинского политбюро были довольно разнообразны. В волейбол, городки, бильярд играли почти все или, по крайней мере, пробовали участвовать. Однако каждый советский руководитель имел особые пристрастия. Например, Берия и Косиор просто обожали плавание. Первый из них любил заплывать дальше всех, когда море было беспокойно. Он также любил играть в футбол. На лыжах катались Каганович, Ворошилов и Андреев. Последний пробовал себя в альпинизме, теннисе и верховой езде. Кроме того, он профессионально занимался фотографией. Не расставаясь с камерой ни на отдыхе, ни за границей, Андреев делал качественные снимки, среди которых у него были любимые: «Ледоход на Москве-реке», «Синее море с полоской яркой зелени», «Горная тайга», «Ночь на Волге». Он коллекционировал пластинки и собрал огромную фонотеку. Любимым занятием Косиора была игра в городки. В свободное время Молотов сочинял стихи и играл на скрипке. Шахматами интересовался Куйбышев. Он же занимался стрельбой. Заядлым охотником был Киров. В его оружейной коллекции было восемнадцать стволов. Разносторонне одаренным человеком был Берия: рисовал карандашом, акварелью, маслом, любил музыку, читал историческую литературу, коллекционировал работы о Малюте Скуратове, интересовался работами экономистов. Любительские кинофильмы Рудзутака высоко оценивал Сергей Эйзенштейн. Вполне обоснованно «заядлым» театралом можно назвать Хрущева, который регулярно посещал театр, преимущественно МХАТ. Важно отметить тот факт, что подобные увлечения и хобби были «не по карману» большинству рядовых граждан страны.

Все члены политбюро лечились в Кремлевской больнице, расположенной в Сокольниках. Ее территория являлась как бы продолжением парка. У каждого корпуса обязательно стояла охрана. Для всех сотрудников «Кремлевки» существовало полугласное правило: не знакомиться с посторонними людьми, т. е. теми, кто не имел отношения к четвертому управлению (четвертое лечебное управление Министерства здравоохранения СССР, которое ранее именовалось Лечсанупр Кремля). Врачам даже не говорили часто, кого они лечили. Так, П. Н. Мошенцева, хирург Кремлевской больницы, сама не знала, что оперировала Сталина. Вопросы задавать было запрещено, а больной был за занавеской [16, с. 58]. Лишь через много лет врач узнала об этом случае. Персонал был подобран по «политическим качествам». У М. И. Калинина тоже было не все в порядке со здоровьем: головные боли и больные суставы. Как говорил сам Калинин: «...*Старость, но бороться буду*» [22, с. 56]. В середине 1930-х гг. Калинин пережил резкое ухудшение зрения. Он много времени проводил в больнице и санаториях. В письме к Сталину в 1934 г. Калинин писал: «*Состояние моих глаз таково, что через два-три года я совершенно буду слепым*» [11, с. 14]. У А. А. Жданова было слабое сердце, но он злоупотреблял алкоголем («*Иногда даже Сталин... покрикивал на Жданова, и тот вместо вина послушно наливал себе воду*» [9, с. 78]), к тому же у Жданова была астма. Своим «железным» здоровьем любил похвастаться Хрущев. К этому были основания: даже простуды и эпидемиологические заболевания обходили его стороной. В то же время можно выявить закономерность: Хрущев болел после нервных стрессов (подобная ситуация происходила в 1925, 1929 гг.). Заболеванием легких (туберкулез) страдал Ежов. В связи с этим политбюро неоднократно отправляло его на лечение в санатории. Как отмечает Н. Я. Мандельштам: «...*У него была больная нога*» [6, с. 106]. Возможно, Ежов страдал психическими заболеваниями: он часами повторял незамысловатые движения, «*делал из бумаги "голубков", "самолетики", запускал их*» [22, с. 409]. Кроме того, у Ежова была проблема алкоголизма. По настоянию И. В. Сталина, Ежова направляли на лечение за границу.

Достоверно можно сказать, что возможности у советской политической элиты были большие. Эта оценка в определенной степени перекликается с некоторыми официальными заявлениями 1930-х гг.: 3 февраля 1938 г. политбюро утвердило совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ограничивающее размеры дач ответственных работников, ввиду того, что «*ряд арестованных заговорщиков (Рудзук...)* понастроили себе грандиозные дачи-дворцы в 15–20 и больше комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение» [24, с. 257]. Трудно сказать, в какой мере каждый представитель политбюро пользовался теми благами и возможностями, которые у него были. Воспоминания разных

людей это подтверждают: одни говорят о шикарных дачах, квартирах, другие – о «стареньких пальто». Однако факты свидетельствуют о том, что вхождение в высшие эшелоны власти сопровождалось появлением новых материальных благ и возможностей. Но все это принадлежало системе. Совершенно справедливой можно считать оценку сталинского политбюро по таким критериям как социализация, уровень образования и качество быта советской политической элиты, принадлежащую А. М. Коллонтай. По ее мнению, в 1930-е гг. *«появился новый тип, это новые люди на высоких постах, верхушка государственных служащих, по образу жизни и положению оторванная от широких масс, верхушка, которая не знала подполья, у которой закружилась голова от “величия” занимаемой ими должности. Эти новые люди еще не перевоспитаны партией, в них много от мещанства и от деревенщины <...> Их еще надо воспитывать, прививать им коммунистическую культуру»* [13, с. 114–115].

Итоги

Итак, социализация представителей «ближнего круга» была явно нарушена: образование носило непоследовательный характер, а в некоторых случаях практически отсутствовало; трудовая деятельность была начата в детстве (в среднем в 13–14 лет, в некоторых случаях в 7 лет), столкновения с недетскими трудностями, потрясениями, унижениями, пережитыми в детстве и юности (работа лакеями, подмастерьями) формировали чувство протеста у будущих революционеров; вступление в партию и начало революционной деятельности происходило в годы юности. Кроме того, социализация представителей политбюро проходила на фоне неустойчивой социально-экономической и политической ситуации в стране, в годы войн (русско-японская война, мировая и гражданская войны). В основном из низших слоев по происхождению сталинские соратники были так называемыми практиками. Принимали участие в стачечной борьбе, затем в революции и Гражданской войне, но в разной форме и мере ответственности. Одни занимались административной, хозяйственной работой в центре, другие отправлялись на места, участвовали в боях Гражданской войны и т. д.

Как показывают факты, Сталин не предъявлял особых требований к национальности своих сподвижников. «Ближний круг» Сталина в силу своего происхождения и революционной деятельности в совокупности хорошо представлял региональные особенности России, но гораздо хуже знал внешний мир.

Тюрьмы, ссылки, побег, поездки за границу – это был уже образ жизни, формировавший определенное видение мира и специфические характеры. Сергей Дмитриевский, советский дипломат, невооруженный, в своей книге «Сталин» (1931 г.) нарисовал портрет сталинского окружения: *«В обстановке Гражданской войны вырастали, учились жизни, духовно складывались люди, которые потом стали властвовать над Россией <...> Там вырос слой крепких людей <...>, который именно лег в основу партии <...> эти люди в своем большинстве прежде почти никому не были известны. Часть из них, но очень небольшая принадлежала к партии «старой гвардии» – к русской подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи. Некоторые из этой молодежи тоже получили закалку еще в годы подпольной революционной работы, остальные же, подавляющая масса, были выращены для революции войной. Тут были выходцы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды и интеллигенты, все – вплоть до дворян <...> в теории они часто сбивались. Некогда ей было серьезно заниматься <...> Воздем этих слоев был Сталин»* [24, с. 198].

Семьи членов политбюро вынуждены были жить в соответствии с теми правилами и требованиями, которые к ним предъявлялись: жены должны были работать или состоять в специальной парторганизации, дети учиться в элитных школах и отдыхать в привилегированных пионерских лагерях. Все представители политбюро, как правило, были примерными отцами и мужьями, они любили и заботились о своих семьях, стремились дать своим детям хорошее образование. Система, созданная Сталиным, была настолько отлажена, что даже жены и дети соратников вождя принадлежали в первую очередь ей.

Таким образом, высокая степень однородности коллектива, коим и выступает «ближний круг», по таким признакам, как возраст, образование, уровень квалификации, семейное положение, материальная обеспеченность, и наличие на этой основе общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, – стали условиями возникновения тесных связей между людьми. Существенным фактором, воздействующим на климат в коллективе, являются индивидуальные особенности его членов, их привычки, предпочтения, хобби. Каждый представитель «ближнего круга» был по-своему уникален.

Продолжение следует.

Список источников

1. Александров В. Е. Тимур – сын Фрунзе. М. : Воениздат, 1979. 333 с.
2. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. : Родина, 2024. 116 с.
3. Андреев А. А. Воспоминания, письма. М. : Издательство политической литературы, 1985. 335 с.
4. Андреевский Б. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940 гг. М. : Молодая гвардия, 2018. 448 с.
5. Бережков В. Рядом со Сталиным. М. : Вагриус, 2004. 448 с.
6. Брюханов Г. Нарком «воробушек». Неизвестные страницы из биографии Николая Ежова // Родина. 1996. № 4. С. 61–66.
7. Васильева Л. Кремлевские жены. М. : Вагриус, 1993. 575 с.
8. Гибель Кирова. Факты и версии // Родина. 2005. № 3. С. 57–65.
9. Емельянов Ю. В. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М. : Вече, 2012. 336 с.
10. Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 448 с.
11. Калинина П. И. Слово о брате // Огонек. 1975. № 46. С. 34–36.
12. Камов Б. Смерть Николая Ежова // Юность. 1993. №8. С. 27–34.
13. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. В 2 тт. Т. 1. М. : Academia, 2001. 452 с.
14. Микоян Н. А. С любовью и печалью. М. : Терра- Книжный клуб, 1998. 224 с.
15. Монтефиоре С. С. Сталин: двор красного монарха. М. : Издательский дом Амфора, 2005. 767 с.
16. Мошенцева П. Н. Тайны кремлевской больницы. М. : Коллекция «совершенно секретно», 1998. 256 с.
17. Невежин В. А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М. ; СПб. : АИРО-XX; Дмитрий Буланин, 2003. 544 с.
18. Никонов В. А. Молотов: молодость. М. : Вагриус, 2005. 768 с.
19. Павлова И. В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 70–88.
20. Пиманов А. Сталин: Трагедия семьи. М. : Вече, 2016. 288 с.
21. Революционный держите шаг. Воспоминания ветеранов комсомола / сост. И. Бабушкин. М. : Молодая гвардия, 1984. 255 с.
22. Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М. : РОССПЭН, 1995. 599 с.
23. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН, 2001. 798 с.
24. Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 1996. 295 с.
25. Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы. М. : Время, 2000. 387 с.
26. Цыбин В. С. Легковые автомобили. М. : АСТ, 1993. 212 с.
27. Шелин С. Ежов и пустота // Новое время. 2000. № 49. С. 34–42.

References

1. Aleksandrov V. E. Timur – syn Frunze, Moscow, Voenizdat, 1979, 333 p.
2. Allilueva S. Dvadsat' pisem k drugu, Moscow, Rodina, 2024, 116 p.
3. Andreev A. A. Vospominaniya, pis'ma, Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1985, 335 p.
4. Andreevskii B. V. Povsednevnyaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu epokhu. 1930–1940 gg., Moscow, Molodaya gvardiya, 2018, 448 p.
5. Berezhkov V. Ryadom so Stalinyim, Moscow, Vagrius, 2004, 448 p.
6. Bryukhanov G. Narkom «vorobushek». Neizvestnye stranitsy iz biografii Nikolaya Ezhova, *Rodina*, 1996, no. 4, pp. 61–66. (In Russ.).
7. Vasil'eva L. Kremlevskie zheny, Moscow, Vagrius, 1993, 575 p.
8. Gibel' Kirova. Fakty i versii, *Rodina*, 2005, no. 3, pp. 57–65. (In Russ.).
9. Emel'yanov Yu. V. Khrushchev. Ot pastukha do sekretarya TsK, Moscow, Veche, 2012, 336 p.
10. Zhdanov Yu. A. Vzglyad v proshloe: vospominaniya ochevidtsa, Rostov n/D, Feniks, 2004, 448 p.
11. Kalinina P. I. Slovo o brate, *Ogonek*, 1975, no. 46, pp. 34–36. (In Russ.).
12. Kamov B. Smer't' Nikolaya Ezhova, *Yunost'*, 1993, no. 8, pp. 27–34. (In Russ.).
13. Kollontai A. M. Diplomatische dnevniky, v 2 tt., t. 1, Moscow, Academia, 2001, 452 p.
14. Mikoyan N. A. S lyubov'y i pechal'yu, Moscow, Terra- Knizhnyi klub, 1998, 224 p.
15. Montefiore S. S. Stalin: dvor krasnogo monarkha, Moscow, Izdatel'skii dom Amfora, 2005, 767 p.
16. Moshentseva P. N. Tainy kremlevskoi bol'nitsy, Moscow, Kolleksiya «sovershenno sekretno», 1998, 256 p.
17. Nevezhin V. A. Zastol'nye rechi Stalina: Dokumenty i materialy, Moscow, Saint Petersburg, AIRO-XX, Dmitrii Bulanin, 2003, 544 p.
18. Nikonov V. A. Molotov: molodost'. Moscow, Vagrius, 2005, 768 p.
19. Pavlova I. V. Robert Eikhe, *Voprosy istorii*, 2000, no. 1, pp. 70–88. (In Russ.).

20. Pimanov A. Stalin: Tragediya sem'I, Moscow, Veche, 2016, 288 p.
 21. Revolyutsionnyi derzhite shag. Vospominaniya veteranov komsomola / sost. I. Babushkin, Moscow, Molodaya gvardiya, 1984, 255 p.
 22. Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941, Moscow, ROSSPEN, 1995, 599 p.
 23. Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 / sost. O. V. Khlevnyuk, R. U. Devis, L. P. Kosheleva, E. A. Ris, L. A. Rogovaya, Moscow, ROSSPEN, 2001, 798 p.
 24. Khlevnyuk O. V. Politbyuro: Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 1930-e gody, Moscow, ROSSPEN, 1996, 295 p.
 25. Khrushchev S. N. Rozhdenie sverkhderzhavy, Moscow, Vremya, 2000, 387 p.
 26. Tsybin V. S. Legkovye avtomobili, Moscow, AST, 1993, 212 p.
 27. Shelin S. Ezhov i pustota, *Novoe vremya = The New Times*, 2000, no. 49, pp. 34–42. (In Russ.).
-

Информация об авторе

Макарова Н. Н. – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Makarova N. N., Associate Professor, Candidate of History, Associate Professor at the Global history, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

The author declares no conflicts of interests

*Статья поступила в редакцию 06.05.2025; одобрена после рецензирования 08.05.2025;
принята к публикации 31.05.2025.*

*The article was submitted 06.05.2025; approved after reviewing 08. 05.2025;
accepted for publication 31.05.2025.*
